

С.Мрожек

В открытом море

Перевод С. Свяцкого

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Толстый |
Средний } потерпевшие кораблекрушение.
Малый |
Почтальон.
Лакей.

Действие совершается в течение одного акта при одной и той же декорации. Плот в открытом море. Трое мужчин в элегантных черных костюмах: краешек платочка, торчащий из кармана пиджака. Каждый сидит на своем стуле. В отдалении на плоту — сундук.

Толстый. Я голоден.

Средний. Хочется есть.

Малый. Может, осталось что-нибудь из запасов?

Толстый. Мы съели последние крохи.

Малый. Там, кажется, было немного телятины с горошком...

Толстый. Телятины нету.

Средний. Я согласен съесть что угодно.

Малый. Я тоже.

Толстый. Что угодно... Давайте будем реалистами... Скорей уж...

Средний. Мне все равно!

Малый. Вы сами сказали, запасы кончились. Что вы имеете и виду?

Толстый. Я имею в виду не что угодно, а кого угодно...

Средний (*смотрит направо, налево, назад*). Я, признаться, не вижу...

Малый. Я тоже, откровенно говоря, никого не вижу, кроме... (*Умолкает внезапно.*)

Пауза.

Толстый. Нам придется съесть одного из нас.

Средний. Съедем!

Малый (*горячо поддерживая*). Да, да, съедем!

Толстый. Господа, не будем детьми! Уясните, пожалуйста, себе, что мы не можем все кричать одно и то же «съедем». В такой ситуации один из нас должен сказать: «Пожалуйста, угощайтесь».

Средний. Кто?

Малый. Кто?

Толстый. Вот об этом я и хочу у вас спросить.

Все в замешательстве молчат.

Вываю к чувству товарищества. К хорошему воспитанию, наконец.

Средний (*указывая пальцем в небо, словно это его вдруг страшно заинтересовало*). Чайки, вон, вон!

Малый. Может, это покажется вам эгоизмом, грубостью. Но я всегда думал только о себе. Скажу откровенно, еще в школе я съедал завтрак сам и никогда ни с кем не делился.

Толстый. Это очень плохо. Но как быть? Бросим жребий.

Средний. Великолепно.

Малый. Лучший выход.

Толстый. Жеребьевку произведем по следующей системе: один из нас назовет какую-нибудь цифру, потом другой назовет другую. Потом я, тоже вслух, назову цифру. Если в сумме получится нечетное число, то жребий падает на меня. Вы съедаете меня. Если в сумме окажется число четное, то будет съеден один из вас.

Средний. Нет... Я, собственно, всегда был противником азарта.

Малый. Что будет, если вы ошибетесь?

Толстый. Я вижу, господа, вы мне не доверяете. Ничего не поделаешь.

Средний. Давайте искать другой выход. Мы люди цивилизованные. Жребий — пережиток пещерной эпохи.

Малый. Предрассудок.

Толстый. Хорошо, можем устроить всеобщие выборы.

Средний. Мысль неплохая. (*Толстому.*) Вы не согласитесь баллотироваться со мной по одному списку? Это упростит кампанию.

Малый. Парламентаризм изжил себя.

Толстый. Итак, свободные выборы!

Средний. При тайном голосовании.

Малый. Никаких блоков! Каждый выступает сам за себя.

Толстый (*встает, вынимает из сундука цилиндр*). Вот шляпа. Бросим туда бюллетени с фамилией кандидата.

Малый. У меня нет ручки.

Средний. Мы одолжим вам свою.

Толстый (*достав автоматическую ручку из кармана*). Пожалуйста!

Средний (*потирая руки*). Голосовать! Голосовать!

Малый. Минуточку. Раз мы устраиваем выборы, как все цивилизованные люди, мы не можем обойтись без предвыборной кампании, которая во всех цивилизованных странах предшествует самой процедуре выборов.

Толстый. Если вы так настаиваете...

Средний. Давайте произносить речи, только, пожалуйста, не затягивать!

Толстый (*встает со стула, стул выдвигает на середину пласта*). Начинаем митинг. Кто первый на трибуну?

Средний (*Малому*). Может быть, вы?

Малый. Я предпочел бы после... Ораторских способностей у меня никогда не было.

Толстый. Но это было ваше предложение.

Средний. Да, это вы навязали массам политиканство, митинг. Вот теперь и начинайте.

Малый. Раз вы считаете, что это так необходимо... (*Влезает на стул, как на трибуну.*)

Двое других становятся перед ним. Толстый вынимает из кармана транспарант на двух палочках, протягивает один конец Среднему. Разворачивает транспарант. На нем надпись: «Мы хотим есть!»

Хм... господи!

Средний (*прерывая*). Мы люди простые! Подмазывать к нам нечего!

Толстый. Правильно! Всякие там сладкие словечки нам ни к чему! Нам нужна суровая правда!

Малый. Друзья! Мы собрались здесь...

Средний (*прерывая*). Короче, короче!

Толстый. Нам не терпится взяться за работу!

Малый. Мы собрались здесь, чтобы поговорить о не терпящем отлагательства деле — о распределении продовольствия. Друзья, меня в расчет не берите. У меня жена и дети. На закате, сидя в саду, я качал детей на качелях, а жена в это время занималась вышиванием, пока не стемнеет! Господа, друзья! Видите вы эту идиллическую картину? Волнует она вас?

Средний. Это не аргумент. Когда речь идет об общем благе, сантименты тут ни при чем. Дети могут качаться сами.

Толстый. Это даже здоровее.

Средний. Да-да! Здоровее! Пусть идут в парк на карусель, на качели... Нет, дети — это не аргумент.

Малый. Но, друзья мои! Когда я был еще мальчиком, я строил честолюбивые планы. Это правда. Я недостаточно работал над собой и не достиг того, чего хотел. Но чувствую — еще не поздно. Многие можно еще наверстать, обещаю — я не буду больше отставиваться на полпути к цели. Да, у меня бывали минуты слабости, признаюсь. Я не верил в себя, ленился, временами терял надежду... но я еще наверстаю, клянусь, наверстаю... Я буду закалять волю, воспитывать характер, овладевать знаниями, пока не достигну всего, чего еще в силах достичь. Стану выдающейся личностью.

Средний. Громче!

Малый. Стану выдающейся личностью!

Толстый. Голый субъективизм.

Средний. Мы хотим есть!

Толстый. Давайте, сударь, вместе. Раз, два...

Толстый и Средний (*скандируют вместе*). Мы хо-тим есть! Мы хо-тим есть!

Малый (*утратив самообладание, почти плача*). Не советую, господа, не советую... (*Сходит с трибуны.*)

Средний (*отдает Малому свое древко транспаранта, сам влезает на трибуну*). Братья-сотрапезники!

Толстый аплодирует, Малый хлопает тоже, но как-то неуверенно, шмыгая при этом носом.

Я человек неученый и распинаться перед вами не буду. Действовать — это другое дело. С юных лет я увлекаюсь кулинарным искусством. Не еда даже главное, нет! Я человек скромный, неприязнительный и, откровенно сказать, не интересуюсь тем, что бы поесть. Ем все что попадается и — заметьте, пожалуйста, — в самых ограниченных количествах. Да что я говорю! Я вообще ничего не ем. Еще два-три года назад пожую, бывало, от случая к случаю что-нибудь раз в педелю, а теперь? Теперь с этим покончено навсегда, теперь радостью моей жизни стало приготовление пищи. Для повара нет ничего приятней, чем, натрудившись вволю, наблюдать за людьми, которые за обе щеки уплетают приготовленное им яство. Только такой награды мне и надо. Добавлю еще, что

я специалист по мясным блюдам. Мои соусы не знают себе равных. Вот и все, что я хотел сказать.

Толстый. Bravo! (Аплодирует.)

Малый, впад в апатию, не реагирует. Средний сходит с трибуны и меняется местами с Толстым, который в свою очередь влезает на трибуну.

Средний. Ура! (Смолкает.)

Толстый (стоит, уперев руки в бока, смотрит вокруг, словно его окружает большая толпа. Взмахивает неожиданно рукой в фашистском приветствии). Привет вам, голодающие!

Средний (в восторге). Ура! Да здравствует! Урааа!

Толстый (успокаивает его властным движением руки). Я скажу коротко, по-солдатски! Во-первых, я не хочу влиять на ваш выбор. Решите сами. Я всего лишь ваш слуга, и ваша воля для меня — закон. Съем все, что дадут. Во-вторых, нечего долго распространяться: я несъедобный. Я всегда был жилистый, костлявый и худосочный. Два ребра у меня железные, печень вырезана, одна нога короче другой. Насчет трихин я тоже не уверен. Умалчивать не стану. В-третьих, не люблю демагогии и хочу ясности: если меня не выберете, то мой будущий партнер получит бедро и окорок. Я удовольствуюсь остальным, включая, разумеется, язычок. Всем, у кого есть на него притязания, категорически заявляю: от языка мы не откажемся!

Средний. Bravo, bravo, веди нас, вождь!

Толстый. Все. Я не люблю болтовни, не люблю философов, мучеников. Вперед!

Средний. Ура! Bravo! Бис! Да здравствует!

Толстый сходит с трибуны, Средний и Малый сворачивают транспарант.

Толстый (Малому). Вы довольны?

Малый. Вы были великолепны! Только... Дело в том... что... Видите ли, я не ем окорока... Дурно влияет на желудок... Поэтому, если для вас это не составит разницы...

Средний (замирая перед Толстым по стойке «смирно»). Если позволите, примите мои поздравления... Ваша речь меня потрясла. Что касается языка, я полностью на вашей стороне.

Толстый. Ну, предвыборная борьба закончена. Теперь — голосовать. (Ставит цилиндр посреди плота.)

Все расходятся в разные стороны и пишут что-то на бюллетенях, повернувшись друг к другу спиной. Толстый и Средний посматривают на Малого. Толстый даже подходит к Малому, заглядывает через плечо. Тот вовремя замечает маневр и прикрывает написанное рукой. Отдает перо Толстому.

Малый. Большое спасибо.

Толстый. Пожалуйста. Если захотите что-нибудь изменить, я к вашим услугам. (Отходит на другой конец плота.)

Теперь они вдвоем, Толстый и Средний, возятся со своими бюллетенями. Малый стоит все еще к ним спиной, смотрит на море. Потом все одновременно поворачиваются, направляются к середине плота и бросают бумажки в цилиндр.

Давайте подсчитаем голоса.

Средний. Я само нетерпение. Ожидание обостряет аппетит.

Малый. Можно бы потактичней.

Толстый опускает руку в цилиндр, поднимает голову и смотрит молча на Малого. Продолжительная пауза.

Что случилось?

Толстый. Господа, нам придется объявить выборы недействительными.

Средний. Как так! Я голодаю.

Малый. Хотите опорочить свободные демократические выборы?

Толстый. В цилиндре четыре бюллетеня. Четыре! (Толстый, а теперь уже и Средний пристально смотрят на Малого.)

Малый (невинно). Я говорил, парламентаризм изжил себя.

Средний. Что теперь будет?

Толстый. Типичный кризис кабинета. Может быть, применим другой метод — просто-напросто назначим кандидата?

Малый. Кто будет назначать?

Толстый. Я бы с удовольствием взял на себя эту задачу.

Малый. Как же! Так я и знал. Нет, об этом не может быть и речи!

Средний. Нехорошая история. С демократией ничего не вышло, диктатура не прививается. Нужно все-таки что-то придумать.

Толстый. В таких случаях дело может спасти только готовый к самопожертвованию энтузиаст. Вспомним, что добровольцы выручали всегда, если выхода не было. *(Снова готовится к речи.)* Уважаемый коллега!..

Малый. Нет, нет, предупреждаю: слушать не буду!

Средний. Да вы послушайте!

Толстый. Уважаемый коллега! Все мы хорошо знаем, что невозможно затаить готовность к самопожертвованию, любовь к ближнему, чувство солидарности. С самого начала мы с коллегой заметили, что в вас есть что-то такое, что особенно выделяет вас: врожденное благородство, стремление быть полезным общему делу, отзывчивость... Правда, коллега?

Средний *(горячо)*. В жизни не видел лучшего человека.

Толстый. Мы счастливы, что общество может пойти навстречу вашему тайному чистому желанию. Вам хотелось запечатлеться в нашей памяти, быть оцененным по достоинству. Ваша скромность, альтруизм, ваша аппетитность...

Малый. Не хочу...

Средний. Как, не хотите стать добровольцем?

Малый. Нет.

Толстый. Противопоставляете себя обществу? Пренебрегаете доверием коллектива? Не хотите?

Малый. Нет.

Средний. Какая гнусность!

Толстый. Отказываетесь категорически?

Малый. Категорически. Слыть знаменитостью не желаю.

Средний. С сегодняшнего дня можете мне руки не подавать. Я считал вас честным человеком, патриотом нашего плота, а вы оказались негодяем. Прощайте! *(Отходит в другую конец плота и поворачивается к Малому спиной.)*

Толстый. Да, мы в вас разочаровались. Честь для вас — пустой звук. Может быть, вы нам теперь предложите какой-нибудь выход — просим.

Малый *(с растущей надеждой)*. Выход? Пожалуйста. С детских лет я мечтал о всеобщей справедливости. Я жажду только справедливости, ничего больше!

Толстый. Признаться, вы меня удивили.

Малый. Почему?

Толстый. Откуда у вас такая уверенность, что справедливость не обернется против вас, что не возникнет вновь ваша кандидатура?

Малый. Это очень просто. С детских лет мне не везло, ничего мне не удавалось, все было против меня, и вот...

Толстый. И вот вы считаете, что справедливость уравнивает сегодня все ваши предыдущие несчастья?

Малый. Да.

Толстый. Удивительно, но факт. На отсутствие справедливости, общечеловеческой всеобъемлющей справедливости, жалуются главным образом неудачники. Не кажется ли вам, что это просто попытка самооправдаться?

Малый. Я еще не отказался. Я еще соглашусь при условии, что вы решите все справедливо. Справедливо.

Толстый. Иначе говоря, при условии, что вы не будете съедены.

Малый. Это инсинуации. Прежде всего я прошу справедливости.

Толстый. Сядем, господа. Совершить все это трудно, но возможно.

Средний. Я с этим господином не разговариваю. *(Все трое садятся, как в начале пьесы.)*

Толстый *(Среднему)*. Дорогой коллега, мать у вас есть?

Средний *(нерешительно)*. Как бы это сказать... А у вас, шеф?

Толстый *(воздев глаза к небу)*. Увы, я осиротел почти с пеленок. Бедные родители!

Средний *(поспешно)*. Такая же история со мной. Откровенно говоря, родителей у меня не было вовсе.

Толстый *(Малому)*. А у вас?

Малый. А у меня есть мать. Она оплакивает меня сейчас в одиночестве. Бедная мама!

Толстый. Мне кажется, с точки зрения справедливости дело элементарное. Можно ли безо всякой причины обидеть сироту? Даже среди самых диких народов сирота считался всегда несчастнейшим из несчастных. Да, дорогой мой, да, если кто-нибудь из нас, сирот, будет сейчас съеден, это будет пощечина справедливости. Мало того что сирота,

так еще пища!

Малый (*ошеломленно*). Но...

Толстый. Да, дорогой мой, это ясно как день. У вас есть мама, вам жилось всегда лучше. Не кажется ли вам, что пора морально расплатиться? Вы в неоплатном долгу перед сиротами. Перед теми, кто никогда не знал материнской ласки, домашнего уюта, не жил в достатке. Тем более вы только что сказали, что ваша мама давно вас оплакивает.

Малый (*в отчаянии ищет аргумент*). Может быть, моей мамы тоже нет на свете. Последнее время она прихварывала. А я так давно не был дома...

Толстый. Вы рассуждаете как ребенок. Какие могут быть этому доказательства! Хотя бы подобие доказательств?

Средний. Ну какие, а?

Малый. Я говорю, она прихварывала, когда я уезжал. В последнее время столько разговоров о всяких современных болезнях...

Толстый. Фантазерство, игра воображения. Ваша мама наверняка здоровехонька, дай ей Бог долгой-долгой жизни... А вот наши родители... (*Среднему.*) Вы помните эти длинные осенние вечера, когда, будучи детьми, мы бродили босиком, продавая спички прохожим?

Средний (*приложив руку к глазам*). Ах, лучше не вспоминайте. Лучше об этом забыть.

Толстый. Помните вы дальнего родственника, тирана и скрягу, который у нас, полунагих, отбирал последний обрезок колбасы, чтобы сделать из него приманку для мышеловки?

Средний (*с жалобным стоном*). Призраки прошлого.

Толстый, повернувшись к Малому, молча разводит руками, словно хочет сказать: сами видите — ничего не сделать.

Малый. Простите, мне кажется, я слышу голос в море. (*Прислушивается.*)

Толстый. Стараетесь переменить тему... Что ж, человеческое страдание не вызывает у вас отклика. Ох уж эти маменькины сынки, только о себе и думают!

Слышен слабый голос.

Средний (*тоном обвинителя*). Когда он был маленький, у него был мячик.

Толстый. Мячик и мишка.

Голос раздастся гораздо ближе.

Голос. Помогите! Спаситеее!

Малый. Я говорю правду. Совсем близко!

Голос. Спаситеее!

Толстый. Действительно, кто-то плывет в нашу сторону. Сироты всегда хуже всех информированы.

Средний (*встает и вглядывается в море*). Начальник, может, у этого человека есть пища. Я вижу, он гребет одной рукой, а в другой у него какой-то продолговатый предмет.

Толстый и Малый, встав с мест, тоже подходят к Среднему, который на краю плота.

Малый. Да-да, это вполне возможно. Сколько бывало таких случаев: нес крестьянин поросенка на базар, по дороге упал в воду... Он судорожно прижимает одной рукой к себе поросенка — единственное свое достояние — и плывет, плывет...

Толстый. Вот он, вижу его!

Средний. Это кто-то в мундире. Такие столуются в казармах.

Голос (*совсем близко*). Спасите!

К плоту подплывает Почтальон, в мундире, в шапке, с кожаной сумкой на шее. Средний подает ему руку, втягивает на плот.

Почтальон. Большое спасибо.

Средний. У вас нет ничего съестного?

Почтальон. Ничего абсолютно. Я бы и сам перекусил. Меня смыло еще до завтрака. (*Заметив Малого.*) А, это вы! Вот какое совпадение!

Толстый (*заподозрив что-то*). Вы знакомы?

Почтальон. Еще бы! Вот уже десять лет, как я ношу этому господину почту. Я не знал, что вы в море. Все сложилось просто великолепно. У меня для вас телеграмма.

Малый. Телеграмма? Для меня?

Почтальон. Да, я шел в ваш домик на берегу моря, когда меня смыла волна. К счастью, я неплохо плаваю. *(Роется в сумке.)* Вот она.

Малый *(отходит в сторону, чтобы вскрыть и прочитать телеграмму.)* Вы меня извините.

Толстый *(Почтальону, с растущей подозрительностью).* Мундир у вас настоящий?

Почтальон. Настоящий, только мокрый. Вы понимаете, когда я упал в воду...

Малый. Ура...

Толстый. Что произошло?

Малый *(опомнившись).* Господа, меня постиг тяжелый удар. Моя мама скончалась...

Средний. Вот тебе на!

Малый. В связи с чем имею честь сообщить, что я тоже сирота. Теперь нам придется возобновить наши дебаты и продумать с самого начала вопрос о том, кого из нас нам предстоит съесть.

Толстый. Я протестую! Это какая-то уловка! Вы заранее договорились с почтальоном!

Почтальон *(с достоинством).* Вы оскорбили меня при исполнении служебных обязанностей.

Толстый. Сколько вы ему заплатили? Может, вы школьные друзья?

Малый. Вы обвинили меня безо всяких на то оснований. Спросите у почтальона, был ли я с ним в сговоре.

Толстый. Прекрасно. Спросим. Если он ответит «да», мы съедем вас безоговорочно. Если станет отрицать, тогда мы съедем его самого.

Почтальон. Как же это так? Едва человек прибыл, уже съедают. На что это похоже?

Толстый. В том-то и дело. Вы нам очень подходите. Вы еще совсем свежий.

Средний. Начальник, давайте съедем обоих. Почтальон sauté. Одного пустим на жаркое, другого употребим на закуску или на компот. Можно и замариновать. Или нафаршировать одного другим. Вкуснота!

Малый *(с надеждой).* Может быть, почтальон не сирота. Мы покинутые, бездомные... Хорошо бы у него спросить.

Толстый *(размышляя над меню).* Нет, из другого мне хотелось бы нацедить вина. Но разве получится бургундское из почтальона?

Почтальон *(с готовностью поддакивая).* Да-да, вы совершенно правы. Бургундское из меня, можно сказать, никакое, зато как почтальон я на высоте.

Средний. А как насчет Vin du Postillon? [вино почтальона (фр.)]

Малый *(Почтальону).* Если вы дадите ложные показания и скажете, что мы в сговоре, я подам на вас жалобу в дирекцию почт и телеграфа.

Почтальон. Не беспокойтесь, у меня за плечами тридцать лет безупречной службы.

Толстый. Не будем зря терять время. В сговоре вы с этим господином, да или нет? Если «да», значит, известие о смерти его мамы сфабриковано заранее, тогда вы получаете почки, возможно, даже немного грудинки. Если же известие соответствует истине, тогда мы, три сироты, съедем вас как почтальона. Почта — учреждение публичное и должно служить общественному благу.

Малый. Заклинаю вас, будьте непреклонны! Не поддавайтесь!

Почтальон. Исключено. Я работник со стажем, почками меня не купишь.

Толстый. Кроме того, можем предложить еще бедро, но предупреждаю, на большее рассчитывать вам не приходится.

Почтальон. Нет, сударь *(показывая на свои петлички)*, вы видите эти два скрещенных рожка? Честь этих рожков для меня превыше всего. До свидания, господа. *(Прыгает в воду.)*

Малый. Нет-нет, не уходите! Подтвердите еще раз, что я невиновен. *(Толстому и Среднему.)* Теперь вам должно быть ясно, что с точки зрения справедливости условия у нас равные. Мы все сироты.

Толстый *(Среднему, равнодушно).* Дорогой коллега, накройте, пожалуйста, на стол. Приборы в моем сундучке.

Малый *(пятится).* Как же это?.. Сирота сироту?

Толстый. Вы забываете, что существует еще другая справедливость — справедливость историческая.

Малый. Как прикажете это понимать?

Средний *(который меж тем открыл сундук).* Начальник, дуршлаг тоже доставать?

Толстый. Тот факт, что ни у кого из нас нет родителей, не ставит еще нас в равные условия. Следует сперва поразмыслить, кем были ваши родители.

Малый. Боже мой, просто родители...

Толстый. Ха-ха! Кем был ваш отец?

Средний. Начальник, чудо-печка понадобится?

Малый. Мой отец? Конторский служащий, а что?

Почтальон *(высунувшись из моря, ухватился за плот).* Вы меня извините, я забыл о

расписке. Вы столько тут наговорили мне про людоедство, что я совсем потерял голову.

Малый. Где расписаться?

Почтальон. Вот здесь, пожалуйста.

Малый расписывается на квитанции.

Почтальон. Пришлось вернуться издалека. До свидания. *(Уплывает.)*

Толстый. Итак, ваш отец был конторский служащий. Так я и думал. Вы знаете, кем был мой отец?

Малый. Нет.

Толстый. Это был простой неграмотный лесоруб, а у нашего спутника отца вообще не было. Мать зачала его на почве неприятностей, вызванных нищетой. Да, сударь. Удобно устроившись в чистом, теплом помещении, ваш папаша занимался бумажной волокитой в угоду аристократии. А мой отец рубил вековые сосны, предназначенные для изготовления бумаги, на которой ваш отец писал исполнительные листы для матери моего коллеги, у которого отца вообще не было. Как вам не стыдно!

Средний *(достает из сундука и раскладывает на плоту кастрюли, вынул мясорубку, несколько раз повернул для пробы ручку).*

Малый *(согласившись с ходом рассуждения, пытается защититься в пределах навязанной ему схемы).* Но ведь я не имею с этим ничего общего!

Толстый. Именно поэтому ту справедливость, которая велит нам сейчас пустить вас в пищу, мы называем исторической.

Голос из моря. Ваше сиятельство! Ваше сиятельство!

Толстый. Что там опять, черт побери!

Над краем плота появляется голова старого лакея с седыми бакенбардами.

Лакей. Ваше сиятельство, как я счастлив, что вижу вас опять.

Толстый. Что это значит?

Лакей *(растроган до слез).* Вы меня не узнаете? Не узнаете старого верного Иоганна? Ведь это я учил вас ездить на пони, когда вы были еще ребенком.

Толстый. Прочь!

Лакей. Какое счастье! Мои старые глаза видят вас опять, ваше сиятельство. Все во дворце так обеспокоены! Когда пришло известие о гибели судна, на котором плыло ваше сиятельство, я не мог больше выдержать. Где ваше сиятельство, там и я, какова судьба вашего сиятельства, такова и моя. Прыгнул в море — плыву и вижу вас! Какое счастье!

Толстый. Иоганн, приказываю тебе сию же минуту отцепиться от плота и утонуть!

Лакей. Слушаюсь, ваше сиятельство! Какое счастье, какое счастье! *(Исчезает.)*

Малый. Нет, нет, добрый человек, не отцепляйтесь, залезайте сюда... Утонул.

Толстый *(как ни в чем не бывало).* Итак, вы сами видите, историческая справедливость...

Малый *(возбужденно).* Да, вижу! Так вы, значит, жили во дворце, разъезжали на пони!

Толстый. Я, на пони? Я в детстве не то что о пони, о попоне и то был думать не в состоянии. Вы приписываете мне воспоминания из вашей собственной юности!

Малый. Просто не подберешь слов! Не хотите ли вы сказать, что это я, я ездил на пони?

Толстый. Разумеется, вы сами только что сказали об этом.

Малый. Ну, знаете, дальше ехать некуда. Заявляю самым категорическим образом: никогда ни с каким пони я ничего общего не имел.

Толстый. А я тем более. Мой отец и слова-то такого не знал. Ведь он был неграмотный.

Средний *(наблюдает за этой сценой посреди кастрюль со сковородкой в руке).* Бедный пони! Все от него отказываются. *(Малому.)* Не жаль вам животного? Что ни говори, а ему вы обязаны счастьем своего детства.

Малый. Но этот лакей...

Толстый. Какой лакей? *(Среднему.)* Вы видели тут какого-нибудь лакея?

Средний. Я? Да что вы!

Толстый. Друг мой, с этой минуты я перестаю считать вас партнером по дискуссии. У вас галлюцинации.

Средний. Сумасшедший!

Толстый. Как человек невменяемый, вы должны подчиниться руководству людей, которые знают, чего хотят. Вас следует исключить из общества. Самое лучшее — путем поглощения вас этим обществом. Коллега, накрывайте на стол.

Средний. Чайные ложки подать?

Толстый. Разумеется. Обед по всем правилам.

Средний кладет ложечки.

Средний. Один или два ножа?

Толстый. Два.

Средний кладет ножи.

Средний. Салфетки?

Толстый. Конечно. Ведь мы люди культурные.

Пока шел этот диалог, Малый, отойдя на край стола, прячется за один из стульев. Средний кладет посреди стола большую белую скатерть, со знанием дела размещая на ней приборы на две персоны. Толстый уже не обращает никакого внимания на Малого. Он следит за тем, что делает Средний, время от времени говорит ему, что где положить, поставить. Изысканно накрытый стол готов. Малый в отчаянии наблюдает за ними из-за стула.

Малый (*боязливо*). Послушайте...

Толстый (*не обращая на него внимания*). Нож и вилки подвиньте немного вправо.

Малый. Послушайте... Я отравлен...

Толстый. Компотницу ближе к середине...

Малый. Честное слово. Мне не хотелось говорить об этом раньше, но мне стало вас жалко...

Толстый (*берет одну из вилок*). Вычистить.

Малый. Совсем не потому, что я хочу уклониться, просто я из человеколюбия. Сам люблю поесть и знаю, что обжорство может погубить человека. Если б я не был отравлен, я б ничего не имел против — пожалуйста, ешьте. Предупредить вас — мой долг.

Толстый. Приступаем.

Средний. Слушаюсь, начальник. (*Достает из сундука большой кухонный нож и брусок, то и другое должно быть подлинное, не бутафорское, начинает точить нож. Тут нужен настоящий неприятный, назойливо повторяющийся звук.*)

Малый (*отступая на самый край стола*). Не говорю, что это неизлечимо, но вы потерпите немножко, господа, день-два я полежу, и у меня это пройдет. лягу здесь, в уголке, чтоб вам не мешать. Когда действие яда кончится, я вас извещу. Я не затем, чтобы увильнуть...

Средний ритмично точит нож. Толстый оценивающим взглядом окидывает скатерть, направляется к сундуку, достает из него цветы и вазу, ставит цветы в вазу, помещает ее в центре скатерти.

Делает несколько шагов

в сторону. Прищурив глаз, оценивает общий вид. Только теперь он доволен.

(*С каждым словом теряя остатки уверенности.*) Может, насчет двух дней я немножко хватил через край. Самое большее день. Вы знаете, господа, пословицу: отложи на завтра то, что можешь съесть сегодня, хе-хе-хе!

Средний пробует пальцем острие.

Ну, скажем, несколько часиков, один часик...

Толстый. Пора.

Средний делает шаг в направлении Малого.

Малый (*поспешно*). Хорошо, хорошо! Я согласен. Разрешите, я дам вам один совет. Совершенно бескорыстно...

Толстый. По какому вопросу?

Малый. Чисто профессиональный кулинарный совет. Не кажется ли вам, господа, желательным, чтоб я вымыл ноги?

Средний вопросительно смотрит на Толстого.

Толстый. Действительно, вот не подумал. (*Среднему.*) Что вы на это скажете?

Средний (*в нерешительности*). Не знаю... Будет хрустеть на зубах... Пусть лучше вымоет.

Малый (*поспешно закатывая штанины*). То-то и оно. Святые слова! Гигиена — основа здорового питания. (*Почесывая ногу.*) Бактерии простым глазом не разглядишь, но свербит невыносимо.

Толстый. Верно подмечено. Чистота никому еще не повредила. Напротив, это залог здоровья и долголетия. Сейчас дам вам полотенце.

Малый садится на край пласта, опускает ноги в море. Моет их.

Малый. Итак, господа, вы бесповоротно решили меня того...

Толстый. Мне казалось, что и так ясно.

Малый. Вы только что говорили о самопожертвовании...

Толстый. Да, говорил, самопожертвование — прекрасная идея.

Малый (*жадно вслушиваясь*). Скажите еще что-нибудь на ту же тему.

Толстый. В сущности, я обрисовал уже весь круг вопросов. Готовность к самоотдаче, самоотречение...

Малый. Да-да, все это правда.

Толстый (*держит наготове полотенце*). Вот видите, а вы не хотели мне верить.

Малый. Видно, я был тогда еще неопытный, нездоровый... Теперь вижу — в этом что-то есть.

Толстый (*тоном поощрения*). Еще не поздно.

Малый. Я поступил гадко, отбросив безоговорочно ваши аргументы.

Толстый. По-видимому, вы не так уж циничны, раз у вас есть такие благородные чувства. Может, левая уже готова?

Малый. Нет-нет, еще между пальцами. Итак, говорю это с полной ответственностью: во мне пробуждается другой, лучший человек... Кстати, господа, ваше решение неизменно?

Толстый (*теряя терпение*). Сударь!

Малый. Нет-нет, разумеется! О чем это я говорил? Да, другой, лучший человек. Это большая разница: одно дело — быть съеденным как жертва насилия, другое дело — быть съеденным как человек, который в силу самопожертвования... Короче говоря, быть съеденным вместе со своими внутренними благородными побуждениями... Только дайте мне слово, что это решено окончательно.

Толстый. Честное слово.

Малый. Видно, ничего не поделаешь... Так на чем я остановился? Ага, это дает чувство удовлетворения, свободы...

Толстый. Наконец-то вы стали умнее. (*Среднему.*) Коллега, дайте мыло.

Малый (*распалаясь все больше*). Только вы не думайте, что я безмозглое сырье... Это было бы мне неприятно.

Толстый. Можете быть абсолютно спокойны: мы относимся к вам совсем не так. Напротив, вы останетесь в наших желудках, то есть в нашей памяти, как герой, светлая, бескорыстная личность. Левая, кажется, уже совсем готова.

Малый (*еще больше распалаясь*). Разумеется, готова. Строго говоря, правая тоже чистая. Дайте полотенце, я выхожу.

Толстый. Нет-нет, помойте еще правую ногу...

Малый. Как вам будет угодно.

Толстый. Я думаю, так лучше.

Малый. Да, я первый принял это великое решение. Я первый решился пожертвовать собой для других.

Средний (*смотрит критически*). Сода тоже не повредила бы.

Толстый. Обойдемся мылом. Подождем еще минутку.

Малый. Ждать?! Когда я знаю, что вы голодаете?! Ни за что! (*Пытается встать, Толстый его удерживает.*)

Малый. Теперь, когда я прозрел, ноги для меня не играют никакой роли. Пусть будут грязные!

Толстый (*подавая ему полотенце*). Полотенчишко... Вы уже созрели.

Малый встает, направляется на середину пласта.

Малый. Господа, спасибо вам. Наконец-то я стал полноценным человеком. Я открыл в себе те идеалы, которых мне так не хватало.

Толстый. Очень приятно.

Малый. И у меня есть свое достоинство. Какова обстановка? Нас трое, но только я один спасу остальных. Мне хотелось бы сказать вам еще небольшую речь о свободе.

Толстый. Небольшую?

Малый. Всего несколько слов.

Толстый. Валяйте.

Малый (*переставляет один стул на край пласта, забирается на него, как в начале, во время митинга*). Свобода вообще равным счетом ничего не значит. Только настоящая свобода имеет цену. Почему? Потому что настоящая свобода — это самая лучшая

свобода. Где искать настоящую свободу? Давайте рассуждать логично. Если настоящая свобода — это не то же самое, что обычная свобода, то где искать тогда настоящую свободу? Совершенно ясно. Настоящая свобода — только там, где нет обычной свободы.

Средний. Шеф, а где соль?

Толстый. Не мешать! В такую минуту... *(Тихо.)* В сундуке, на дне.

Малый. Именно поэтому...

Средний заглядывает в сундук, поспешно возвращается к Толстому.

...Именно поэтому *(эту фразу он будет повторять без конца, как испорченная пластинка, но не монотонно, а на разные лады, словно он мучительно думает, что же следует сказать дальше)*.

Средний *(растроганный, говорит вполголоса, но довольно отчетливо)*. Шеф, я нашел телятину с горошком!

Толстый. Тссс! Сейчас же спрятать!

Малый. Именно поэтому...

Средний. Говоря откровенно, я предпочел бы горошек. А вы об этом знали?

Толстый. Мне не хочется горошка, а впрочем...

Малый. Именно поэтому...

Средний. Что — впрочем?

Толстый *(показав на Малого)*. Разве вы не видите, он уже счастлив?